

Н. Д. ТАЛЬБЕРГ

Зловещий юбилей

«Что основано на лжи, не может быть право. Учреждение, основанное на ложном начале, не может быть иное, как лживое. Вот истина, которая оправдывается горьким опытом веков и поколений»*.

Большевики чествовали память декабристов и награждали пенсиями потомков некоторых из этих бунтарей. Поступая так, они отдавали дань благодарности своим предшественникам. Теперь социалисты-большевики, руководясь теми же соображениями, собираются помянуть революцию 1905 г., наградившую Россию конституцией.

Издававшаяся в Берлине большевицкая газета «Новый мир»¹ в 1921 г. писала: «Участь русской монархии была решена с первой уступки народу — с манифеста 17 октября... Через брешь, пробитую народом в 1905 г., вытекло все содержание монархии...»

Двадцатипятилетие этой «бреши», устроенной не народом, а многолетней подкопной работой всемирного масонства, управлявшего нашими либералами, могут с признательностью поминать те, кто по расчищенному для них пути пришли к власти в октябре 1917 г.

В течение столетия русские либералы стремились свергнуть самодержавие и добиться установления конституционного строя. Их союзники — террористы — обрушивались на власть в лоб, чистою кровью верных слуг царевых поливая путь освободительного движения. Либералы сапой взрыхляли землю и бросали семена ядовитых конституционных растений, взрощенных на Западе.

Давно определилось масонское происхождение тех, кто во времена «великой» французской революции посадил эти растения.

---

* *К. П. Победоносцев. «Великая ложь нашего времени».*

Вредный дурман, исходивший от последних, все более ощущался на Западе. Отравленные им политиканы пропитывались лживостью сами и вносили обман, коварство, корысть во все проявления государственной и общественной жизни. Но все это не останавливало разрушительной работы наших либералов.

Не внимали они обличительным словам, давно прозвучавшим с двух крайних концов русской политической мысли об этом порождении злочестивой, кровавой французской революции.

К. П. Победоносцев, известный ученый и государственный деятель, писал в своем «Московском сборнике» в статье «Великая ложь нашего времени»: «Если бы потребовалось истинное определение парламента, надлежало бы сказать, что парламент есть учреждение, служащее для удовлетворения личного честолюбия и тщеславия и личных интересов представителей... На фронте этого здания (парламента) красуется надпись: “Все для общественного блага”. Но это не что иное, как самая лживая формула; *парламентаризм есть торжество эгоизма, высшее его выражение. Все здесь рассчитано на служение своему я. По смыслу парламентской фикции, представитель отказывается в своем звании от личности и должен служить выражением воли и мысли своих избирателей, а в действительности избиратели в самом акте избрания отказываются от всех своих прав в пользу избранного представителя...»*

Указав на порождаемое конституционным строем искусство играть инстинктами и страстями массы, на господство фразы, на бессилие избирателей перед навязываемой им волею партийных комитетов, на безответственность министров, К. П. Победоносцев говорил: «Больно и горько думать, что в земле Русской были и есть люди, мечтающие о водворении этой лжи у нас; что профессора наши еще проповедуют своим юным слушателям о представительном правлении как об идеале государственного учреждения; что наши газеты и журналы твердят о нем в передовых статьях и фельетонах, под знаменем правового порядка; твердят — не давая себе труда взглянуться ближе, без предубеждения, в действия парламентской машины. Но уже и там, где она издавна действует, ослабеваает вера в нее; еще славит ее либеральная интеллигенция, но народ стонет под гнетом этой машины и распознает скрытую в ней ложь. Едва ли дождемся мы, но дети наши и внуки, несомненно, дождутся свержения этого идола, которому современный разум продолжает еще в самообольщении поклоняться».

К. П. Победоносцеву вторил известный революционер князь П. Кропоткин, имевший возможность на Западе наблюдать прелести конституционного строя.

«Не стану воспроизводить ужасной и омерзительной картины выборов, — писал князь Кропоткин в своей книге “Речи бунтовщика”. — В буржуазной Англии и в демократической Швейцарии, во Франции и в Соединенных Штатах, в Германии и Аргентинской республике — везде повторяется одна и та же гнусная комедия... Не стану перечислять лживых программ, одинаково лживых, будь они оппортунистическими или социал-революционными, программ, которым не верит ни один из кандидатов, защищающих их с жаром, дрожью в голосе, с пафосом, достойным ярмарочного актера или сумасшедшего... Не стану приводить здесь сметы расходов по выборам — газеты нас хорошо знакомят с этим вопросом... Но довольно, оставим эту грязь! Есть ли хоть одна страсть, самая подлая, самая гнусная, которая не появилась бы на сцену в день “голосования”? Обман, клевета, лицемерие, ложь, самые низкие проявления человека-зверя — вот картина страны во время выборов. Это смрадное болото (парламент) вызывает отвращение у всех, близко стоящих к нему».

Тяжелая война России с Японией признана была нашими либералами самым удачным временем для решительного натиска против самодержавия. Злодейские убийства их сподручными стойких стражей истинной монархии — великого князя Сергея Александровича и министра внутренних дел В. К. Плеве — облегчали либералам их работу. Шумиха, поднятая ими в обществе и печати, беспорядки в войсках, забастовки — все это помогло масону С. Ю. Витте сделать ложный доклад государю императору о безнадежном якобы положении дел в государстве. 17 октября 1905 г. последовал Манифест о введении в России законодательных учреждений.

Государь император и после этого не переставал считать себя самодержцем. Исходя из этого убеждения, он весной 1906 г. лично изменил соответствующую статью новых Основных законов, поднесенных ему к подписи. И в последующие годы государь император несколько раз в законодательстве выявил свою самодержавную волю. Но, увы, в широких кругах русского общества акт 17 октября был понят как установление конституционного строя. Дальнейшие же события все более указывали на то, что страшный яд введен в государственный организм России, и разрушение последнего началось.

«Недавно еще, — “свежо предание, а верится с трудом”, — серьезно обсуждали предложение в официальном обращении к власти заменить слова “русский народ” словами “народы России”», — писал несколько лет тому назад в журнале «Путь» профессор Новгородцев, бывший кадет, сам бывший член Государственной

думы первого созыва². Это кадет, историк Кареев измывался в стенах Государственной думы над словом «русский». Тогда же столп кадетской партии, Петрункевич, называл с думской кафедры патриотизм «отвратительным».

Возмущенный всем происходившим в Государственной думе — всего через полгода после Манифеста 17 октября, — депутат-волынец священник Концевич с насмешкой предлагал прибавить к вызывающему ответному обращению на приветствие государя императора: «Еще Дума желает, чтобы русский народ утратил свою самобытность, а Россия потеряла бы и самое имя свое». Проводимый большевиками террор вызывал одобрение в Государственных думах первых двух созывов. Накануне открытия первой Государственной думы кадетская партия, составлявшая ее ядро, заседала в Петрограде в Тенишевском училище под председательством еврея масона Винавера, шумно приветствовала аплодисментами известие о покушении на жизнь московского генерал-губернатора адмирала Ф. В. Дубасова*.

Проезжая по Неве мимо тюрем, где содержались убийцы разных степеней и будущие большевицкие деятели, перводумцы вопили «амнистия» и приветствовали их. Не к государю императору, призвавшему перводумцев к созидательной работе, прозвучали первые слова в «парламенте». К тем же преступникам обращено было приветствие депутатов.

«Долг нас обязывает, — говорил Петрункевич, — нас всех здесь собравшихся, первое наше свободное слово посвятить тем, кто своими страданиями, своей неволей и годами тюремных сидений проложил нам путь к свободе. *Наше первое слово о них, о борцах за свободу, о мучениках за нее***. Мы требуем амнистии для них. К вам, избранным народной воли и первым охранителям ее, тянутся из тюрем, из каторги, из сибирского изгнания тысячи рук и требуют: “Амнистии, амнистии”, “Вы там — в народной Думе — ценою нашей борьбы и наших страданий. Помните нас!..” И мы говорим: Амнистия! Амнистия всем борцам и мученикам за свободу!»

«Буря долго не смолкавших аплодисментов *всей Думы* покрыла слова Петрункевича», — вспоминает С. Варшавский в статье своей «Первый русский парламентарий» («Возрождение». № 1116. 22 июня 1928 г.).

---

* В настоящее время В. А. Маклаков в «Современных записках» подтверждает наличие этого случая и говорит, что кадеты пытались скрыть его³.

** В то время Лейба Бронштейн-Троцкий, Авксентьев и ряд будущих большевиков значились в числе этих «мучеников».

«Мало», — раздавалось через полтора месяца в стенах этого «законодательного» учреждения при оглашении министром внутренних дел П. А. Столыпиным длинного списка жертв террористов. Государственная дума отказалась выразить протест по поводу убийства в Севастополе доблестного адмирала Чухнина и учинения Савинковым в Севастополе же — при покушении на генерала Неплюева — бойни детей.

В стенах Государственной думы депутатами второго созыва подготовлялось царубийство, и большинство этого «законодательного» собрания отказывалось выдать законной власти изменников. Депутаты четвертой Государственной думы участвовали в различных заговорах, имевших целью низвержение государя императора и устройство революции. Депутатская неприкосновенность облегчала этим «блюстителем законов» вершить их преступное дело.

Покойный присяжный поверенный Карабчевский в своих воспоминаниях «Что мои глаза видели»⁴ рассказывает, как руководитель партии трудовиков Керенский на совещании петроградских адвокатов призывал начинать революцию. «Поймите же наконец, — говорил Керенский, — что революция может удалась только сейчас, *во время войны*, когда народ вооружен, и момент может быть упущен навсегда» (с. 65).

Изменяя в японскую войну, добились конституции, изменяя в германскую войну, добивались и добились революции.

А. И. Гучков, член Государственного Совета по выборам, один из главных направителей прогрессивного блока, состоявшего из думцев и изменявших своему государю сановников, в показаниях своих, данных Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, сознается — в то время (1917 г.) с гордостью — в своих преступлениях. Он всячески покровительствовал работе рабочей секции Военно-Промышленного комитета*, в коем председательствовал. Гучков предупреждал членов секции об установленном за ними наблюдении со стороны Департамента полиции. Когда председатель секции Гвоздев был задержан, то Гучков добился, что его оставили под домашним арестом; на автомобиле Гучкова Гвоздев привозился в Промышленный комитет, где Гучков вел с ним ночные беседы.

Гучков говорил и о непосредственном своем участии в заговоре против царя: «К вопросу об отречении государя я стал близок не только в дни переворота, а *задолго до него*. Когда я и некоторые мои друзья в предшествующие перевороту месяцы искали

---

* Из этой секции создан в первый же день революции Совет рабочих и солдатских депутатов.

выхода из положения, мы полагали, что в каких-нибудь нормальных условиях, в смене состава правительства и обновления его общественными деятелями, обладающими доверием страны, в этих условиях выхода найти нельзя, что надо идти решительно и круто, *идти в сторону смены носителя верховной власти*». План Гучкова заключался в том, чтобы «захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом Императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно, при посредстве воинских частей, на которые здесь, в Петрограде, можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство, и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, кои возглавят собою правительство».

«Общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 г. *началом русской революции*», — писал в своих воспоминаниях Миллюков. В этой своей речи глава конституционно-демократической (кадетской) партии, как известно, с кафедры Государственной думы сознательно лгал, обвиняя в измене государыню императрицу Александру Феодоровну.

Предав Россию и справляя в апреле 1917 г. шабаш, наши конституционалисты, — нарушители Божеских и человеческих законов, — открыто хвастались тем, что устроили в России революцию.

Председатель четвертой Государственной думы, бывший кавалергард, камергер Высочайшего Двора, М. В. Родзянко, так начал свою речь на заседании депутатов четырех Дум: «Одиннадцать лет назад, в памятный день 27 апреля, впервые раздалось свободное слово первых избранников русского народа. Они сделали почин реального осуществления закона, основанного на лозунге: братство, равенство и справедливость, который *только ныне, однако, может быть проведен в жизнь*. Они впервые в этом зале громко, на всю Россию предъявили требование о политической амнистии всем тем политическим деятелям, которые вели борьбу *во имя свободы и равенства народов*. (Аплодисменты.)». «При выборах в четвертую Государственную думу правительство употребило невероятные усилия, чтобы сделать ее себе послушной. Вначале разрозненная и не имеющая определенного большинства, она сумела сплотиться при первом грозном призраке надвигающейся опасности на русское государство и без колебания *решилась на переворот*, когда это сделалось ясной и существенной необходимостью для спасения Родины». «Господа! Государственная дума четвертого созыва, *возглавившая революционное движение*, считала, что она оберегает честь и достоинство России, которые так долго попирались старым отжившим режимом».

Председатель второй Государственной думы Ф. А. Головин приветствовал товарищей слева — социал-демократов думцев, сосланных в Сибирь за работу «для счастья и свободы России». Он говорил, что «семена, посеянные первой Думой, дали здоровые всходы, и ни Столыпин, ни закон 3 июня не могли помешать этим всходам. Теперь мы являемся свидетелями их бурного, безудержного роста, *сулящего небывалый урожай*».

Иудо-масон М. М. Винавер, признав, что четвертая Дума 27 февраля 1917 г., во главе со своим председателем, первой стала на революционный путь, так приветствовал депутатов четвертой Думы от имени депутатов первой: «И да будет позволено нам, которых слишком большая пропасть разделяла от тех групп, которые господствовали после разгона второй Думы, — да будет позволено нам откровенно сказать, что мы челом бьем той революционной палате, которая первая приняла на себя удары старого режима».

Гучков, признав, что народное представительство «духовно подготовило страну к *великому и спасительному* акту государственного переворота», говорил: «Если самый акт переворота, — свержение старой власти, — здесь, в центре, был совершен иными силами, лишь при участии народного представительства, то закрепление этого акта, его высшая санкция, его всенародное, единодушное, радостное и сознательное признание во всей стране — и в тылу, и на фронте, явилось результатом той мужественной и патриотической позиции, которую приняли народные представители в борьбе за власть, за спасение родины».

«...Нам от этой революции не отречься. *Мы с ней связаны, мы с ней спаялись и за нее несем моральную ответственность*», — возглашал В. В. Шульгин, бывший националист, затем видный руководитель прогрессивного блока.

Через четыре года после революции Г. Ландау (Алданов) писал в берлинской газете «Руль» (№ 142)⁵: «Ставить государственный максимализм целью изнемогшему от войны народу, когда нужна диктатура, бороться за парламентаризм и идти на революционный переворот с целью усиления власти во время небывалого военного напряжения, не терпящего ни передышки, ни отлагательства, — не безнадежная ли *обреченность* сказывается в этих противоречиях?»

Обреченность составляет сущность конституционного строя. Парламентарии четвертой Государственной думы шли по следам своих предшественников. Чуждый России представительный строй западного образца завоеван был изменой во время русско-японской войны. Попраанием закона, попыткой взорвать государство

ознаменовали себя депутаты первой Государственной думы, выпустившие Выборгское воззвание. Заговорщиков, пытавшихся убить Помазанника Божия, прикрывало большинство второй Государственной думы. Младотуретчина, ярко олицетворяемая честолюбивым, злобствующим против государя императора Гучковым, отравила последующие составы нашего горе-парламента и завершилась государственной изменой.

Созданная для составления и охранения законов, Государственная дума занималась подрывом основ законов. Важнейший же за время ее бытия закон — *земельный* — проведен был Высочайшим указом 9 ноября 1906 г., и законодательным учреждением, при последующем рассмотрении этого закона, приходилось считаться с тем, что мудрое повеление самодержца пустило уже крепкие корни в жизнь.

«Народное» представительство, задорное, заговорщическое, бунтарское, изменническое в своих отношениях к законному монарху, сразу превратилось в послушного исполнителя велений революционного правительства и бесславно, незаметно покончило свое существование летом 1917 г.

Большевики, открывая музей революции 1905 г., помянут, наверное, тех, кто расчистил им путь, но признан был ими мавром, более не нужным. Недавно, впрочем, они милостиво отделили заслуги одного из мавров: кадет, революционный историк Кареев награжден был советской властью пенсией.

Сами мавры торжественно поминали в Париже память первого председателя Государственной думы Муромцева. Церковь на рю Дарю собрала в этот день в свои стены остатки наших парламентариев. Митрополит Евлогий, когда-то правый националист, пожелал показать особенное внимание своим теперешним политическим единомышленникам и поминал того, кого Милюков кощунственно сравнил с Иверской иконой.

Мы, монархисты, вспоминая этот трагический юбилей, должны желать, чтобы Россия навсегда освободилась от прогнившего всюду конституционного образа правления, принесшего нашей Родине столько зла. С особенным молитвенным чувством должны мы поминать великого стоятеля за самодержавие, государя императора Александра III, в немногих строках своего письма к Победоносцеву (12 марта 1883 г.), сказавшего столько правды:

«Что касается конца Вашего письма, то Вы меня знаете, пока я жив и Богу угодно будет, чтобы я оставался на моем тяжелом посту, на котором Он Сам меня поставил, *не допущу я этой лжи на Святой Руси*, в этом будьте уверены: я слишком глубоко убежден в безобразии представительного выборного начала, чтобы когда-ли-

бо допустить его в России в том виде, как оно существует во всей Европе. Пусть меня ругают и после моей смерти будут ругать, но, может быть, и наступит тот день, когда и *добром помянут*».

Проникнемся надеждой на то, что этим сознанием царя-миро-творца पहले всего проникнется тот, кому Господь, в час спасения России, вернет трон самодержцев Всероссийских.

14 (27 октября) 1930 г.

